

В день былой своей печали внемля,
Горец в песне горе изливал,
Воспевал свою родную землю,
Где травинок менее, чем скал.
Все смело потоком лет обильным,
Но слова, что жгли певца огнем,
Пережили памятник могильный,
Что разрушен ветром и дождем.
Эта песня и теперь близка мне.
Боль ашуга на родной земле
Вижу в раненном снарядом камне,
В расщепленном молнией стволе.
В стоне тех, кого утешить нечем,
В смерти трав, когда их лед скует,
В безысходном крике человеческом
Птицы, что от стаи отстает.
Боль певца едва ль не с прежней силой
До сих пор в горах вершит свой путь,
Реет над забытою могилой
И мою переполняет грудь.

Перевел Н. Гребнев

Кто б ты ни был, будь готов в дорогу,
Мысли о бессмертье — это блажь.
Я не о бессмертии, ей-богу,
Думаю, берясь за карандаш.
Как умение строгать тесину,
Мысль стара, и даже дураку
Ясно: все мы превратимся в глину,
Что б ни написали на веку.
Я работал не бессмертья ради,
Я писал, бывало, день-деньской,
На траву лугов, на небо глядя,
Удивляясь доброте людской.
Все, что пел я, пел я поневоле,
Погибал я у земли в плену,
Видя золото пшеницы в поле
И подсолнечную желтизну.
Пел я, видя море в отдаленье
И скалу, подернутую мглой,
Потому что сам я на мгновенье
Становился морем и скалой.

Перевел Н. Гребнев

